

СТИВЕН РОБЕРТС

ОСТРОВ
ЗАТОНУВШИХ
КОРАБЛЕЙ

Продолжение популярного романа Стивена Робертса, повествующего о приключениях Билли Бонса, известного пирата и искателя приключений. Зарытые в землю клады, одинокие острова, каннибалы и пираты, морские сражения — все это в нашумевшем приквеле к известному роману «Остров сокровищ», вот уже несколько поколений будоражащему умы мальчишек во всём мире. Если слово «Флинт» ассоциируется у вас не только с хлебными корочками — эта книга для вас!

Стивен Робертс ОСТРОВ ЗАТОНУВШИХ КОРАБЛЕЙ

Повесть о пиратах и сокровищах, записанная Джеймсом Хокинсом по воспоминаниям некоторых, во многих отношениях замечательных, людей.

(Перевод В.Поддубного, 2016 год.)

КНИГА ВТОРАЯ ПИАСТРЫ

Предисловие По следам воспоминаний

Рассвет незаметно проник в дом. Дождь прекратился, сквозь окна заглядывало утреннее солнце, напоминая о том, что ночь миновала. Яркие солнечные лучи окрасили стены розовым, обещая ясный день.

Мы сидели у погасшего камина, забыв о том, чтоб подкинуть дров.

Кое-что из того, что рассказал Джек, я знал из записок Капитана, Били Бонса, из его отрывочных рассказов. Ручейков, слившихся теперь в единую реку.

Джек Рэдхем был интересным человеком.

Я слышал его имя. Искатель приключений, знаменитый корсар, потопивший не одно вражеское судно. Дерзкий и удачливый. Карьера его прервалась в одночасье, из за какой-то ссоры с властью предрержащими. После этого Рэдхем был объявленным вне закона и исчез с горизонта.

И вот, несколько лет спустя, он появился в моём доме, с громким и неожиданным заявлением.

Я не мог понять, каким образом этот человек может претендовать на часть сокровищ Флинта. Судя по возрасту, сам он родился спустя много лет после смерти знаменитого пирата. Бен, возможно, знал ответ, но в присутствии гостя не мог просветить меня на сей счёт. Пришелец, в свою очередь, не спешил подходить к этому вопросу. Он просто рассказывал то, что знает о событиях, предшествовавших моим приключениям на острове Сокровищ. Рассказывал так, словно сам принимал в них участие. Я мог лишь гадать об истоках подобной осведомлённости.

Долгий разговор всё же не расположил нас к откровенности. Слишком замкнутым был этот

человек. Наклонив голову, он больше слушал, нежели говорил.

Я рассказал о Билли Бонсе. Как он появился у нас, в трактире «Адмирал Бенбоу». Коротко вспомнил о том, что Капитан родом из провинции, из простой семьи. В ответ услышал подробную историю о юности Уильяма Томаса. Откуда Джек Рэдхем мог знать историю Бонса? Наверняка лишь из первых уст. Возможно, он сам был родом из тех же земель?

Бен Ганн поначалу в разговор не встревал. Но когда мы дошли до времён и событий, участником которых являлся сам Бен, слова посыпались из него, как из рога изобилия. Он поправлял нас, добавлял интересные детали, вспоминал имена — память у Бена была просто замечательной, и могла тягаться лишь с его неистощимой фантазией. Он так разгорячился, что не давал нам и рта раскрыть, рассказывая, убеждая и красочно обрисовывая детали, всплывавшие в его памяти.

Вскоре он выдохся и в тот же миг захрапел, устало откинувшись на софе. Мы смогли продолжить спокойную беседу.

Всё, о чём мы говорили, изложено в этой книге. Я попытался собрать воедино все разрозненные истории, облечь их в удобочитаемую форму, избегая неувязок и лишних деталей.

Я упорядочил рассказы Бонса, слышанные мной в те дни, когда он длинными вечерами раскуривал свою трубку у камина, предаваясь воспоминаниям, иногда шокирующим. Его истории будоражили умы наших поселян, изнывавших от серой скуки. Капитана боялись, но и любили, по своему. Как любят медведя, который миновал вас в диком лесу, не тронув — восхищённо и подобострастно.

Многое я узнал из уст Сильвера, в те дни, когда мы плыли от Острова Сокровищ домой. Сильвер был пленником, он знал это, и потому всеми силами пытался нас задобрить, дабы вызвать к себе лучшее отношение. Он помногу разговаривал со мной — я ведь был единственным, кто уделял ему внимание в те дни. И Сильвер был со мной откровенен, насколько может быть откровенным приговорённый к смерти перед своим исповедником.

Бен Ганн тоже внёс свою лепту в общую исповедь. Вот только слушать его следовало с оглядкой. Память у Бена была замечательная, да ведь и фантазёр он был выдающийся. Один день у него получалось одно, на другой рассказывал совсем другое. События до своей ссылки на острове он помнил превосходно. Тут ему можно было верить. А вот после... Произошёл словно перелом в

его мозгах. Пережитое в одиночестве на безлюдном острове отложило отпечаток на его память.

Однако большой роли это не играло, так как к тому времени я сам принимал активное участие в эпопее с Сокровищами Флинта.

Сам гость говорил немного, но всегда предельно коротко и содержательно. Излагал известные ему факты так, словно по книжке читал. Ничего лишнего, никаких неважных деталей. Слова его отпечатывались в памяти, подобно заглавиям, несущим саму суть истории.

Я собрал воедино сведения этих четверых, отважных и по своему интересных людей. Все их воспоминания слились в единое повествование.

Историю Сокровищ, откопанных нами на далёком острове.

Часть первая

ОСТРОВ ЗАТОНУВШИХ КОРАБЛЕЙ

Глава 1

Прерванный путь домой

Подхваченные южным пассатным течением, мы на всех парусах устремились к Новому свету.

Солнце поднималось над горизонтом, постепенно догоняя нас с кормы. Яркий огненный

свет окрасил палубы. Казалось, начинается пожар — такими чистыми и жгучими в рассветных лучах казались краски. Всё предвещало прохладный день и свежий ветер. Я оставил «Кассандру» и отправился на «Морж». Стоило обсудить дальнейший маршрут. Кроме того, Дарби Мак-Гроу великолепно готовил. Грешно было грызть сухари, имея возможность угоститься запеканкой.

На «Морже» я чувствовал себя спокойней. Верить Флинту — всё равно, что доверить акуле кусок мяса. И ждать, что с того получится, насколько хватит её голодного терпения.

Сокровища лежали в трюме «Моржа». Ящики с монетами и слитками, оружие, серебро. «Кассандра» же имела в трюмах лишь товары с кораблей, захваченных ранее. Сбыть эти товары в Ост Индии по хорошей цене было невозможно, зато они дорого стоили в Индии Западной. Туда мы и стремились, дабы наконец разделить добычу, забыть о скитаниях и вернуться домой. Я мечтал зажить спокойной, мирной жизнью на твёрдой, надёжной суше. И моя доля в добыче позволяла жить так, чтоб не думать о завтрашнем дне.

Но не всё так сложилось, как мы того желали.

Едва я приступил к завтраку, как с палубы донёсся топот и свисток боцмана, созывавший: «Всех наверх».

С кормы к нам приближались корабли. Невидимые в слепящих лучах восходящего солнца, они подкрались слишком близко, чтоб позволить нам уйти. Флаг короля Георга развевался над мачтами.

Проклятый командор Метьюз возвращался в Европу, огибая Игольный мыс. «Лев», «Солсбери» и «Екзетер»; два фрегата и шлюп. Сила, достаточная, чтоб уничтожить любой пиратский корабль в этих водах. И надо же было такому случиться, чтоб они догнали нас в открытом море! Тысячи миль воды вокруг, а рок не позволил нам разминуться. Поразительны шутки судьбы.

Метьюз мечтал отплатить нам за свой позор у Сен-Мари, когда мы случайно перехватили его письмо и предупредили людей на острове о готовящемся рейде против Братства. Был такой случай. Мы напились в таверне и подрались с моряками Его Высочества. Ну, ясное дело, в виде компенсации взяли некие трофеи, завалывшиеся в карманах одного из поверженных офицеров. Там было и распоряжение командора о выходе кораблей в рейд против нас. Судьба была к нам благосклонна! Мы сумели предупредить остальных убраться восвоеси с Сен-Мари. Командор Метьюз остался с носом.

И вот у него появился шанс поквитаться с нами.

Корабли приближались. «Морж», перегруженный до бортов, не мог развить былую скорость. «Кассандра» держалась рядом, не поднимая дополнительных парусов. Поначалу я с гордостью подумал: «Вот верные парни, не бросают друзей в опасную минуту!».

Но потом сообразил, о чём они волнуются в действительности. Ясное дело, не о наших шкурах.

На «Морже» поставили лиселя. Помогло это мало. К обеду быстроходные фрегаты настигли нас. Они зашли с двух сторон и кормы, взяв нас в «акульки тиски».

Началась пушечная канонада и обмен ядрами. Трёх кораблям эскадры командора противостояли наши потрёпанные «Кассандра» с «Моржом».

В самом начале боя нам повезло. Используя зажигательные бомбы, Израэль удачным выстрелом поджёг паруса на флагмане, лишив его маневра.

Но обстрела фрегат Мэтьюза не прекратил. Пока часть команды тушила пожар, другая продолжала заряжать пушки и вести прицельный огонь. Надо отдать должное солдатам Его Величества, панике они не поддались.

«Екзетер» помогал «Льву» всеми шестью пушками левого борта, не рискуя приближаться ближе. Это было бы самоубийством в его случае —

нам не представляло труда взять на абордаж такое судёнышко.

Ядра ложились точно в цель, круша и превращая в щепки всё на своём пути. Над волнами поднимались облака дыма и уносились прочь, подхваченные ветром. Грохот стоял такой, что на континенте слышно было.

И тут фортуна вновь посмеялась над нами. Несколько ядер пробили обшивку по ватерлинии «Моржа». Мы стали черпать воду, и срочно пришлось выделить десяток человек, чтоб наложить заплатки из просмоленной парусины. Трудно заставить людей делать что либо под таким обстрелом. У них возникает лишь одно желание — спрятаться поглубже, забиться в щель, чтоб избежать смертоносных ядер и осколков. И тут уж во всей силе проявлялся талант Долговязого, как командира. Он был везде, поднимал людей выкриками, тычками и угрозами, но главное — своим примером. Он не пригибался, не таился, ходил в полный рост, словно заговорённый, тем самым внушая людям уверенность в том, что всё обойдётся, если не прятаться и действовать уверенно.

«Солсбери» подобрался к «Моржу» и украл ветер. К тому же солнце было на их стороне, слепя нас. Flint с этим ничего поделаться не мог. Чтоб вернуть силу в паруса, ему пришлось бы поставить

корабль меж двух огней. О том, чтоб стать на вёсла, и речи не было — слишком мало было у нас людей.

На «Морже» было не безопасней, чем на верхушке просыпающегося вулкана. Трещало дерево, рвались снасти, свистела картечь. Пушки Израиля отвечали нестройно, сотрясая корабль грохотом и заволакивая дымом.

Фрегат сблизился с «Моржом» на расстояние броска каната. В дело пошли мушкеты и пистолы, фальконеты посылали смертоносную картечь, от которой нельзя было укрыться за хлипкими досками обшивки.

В воздухе замелькали крюки и багры. Я впервые в жизни видел, как берут на абордаж пиратский корабль, а не наоборот. Корабли сблизились, заскрежетали борта, затрещали реи, путаясь в снастях. Солдаты, подбадриваемые барабанной дробью, бросились в бой на палубу «Моржа».

Нам редко приходилось драться. Это только в тавернах моряки взахлёб рассказывают о сражениях, о своей храбрости и силе. Я скажу так — половина тех разговоров враки, а другая — преувеличение. На самом деле мы избегали боя, ибо никакая добыча не стоила наших шкур. Но если приходилось драться — тут уж становилось ясно, кто чего стоит. По моему опыту, кто сильно бахвалился в разговорах, тот на деле оказывался в

задних рядах. Как говорится, «Глотка большая, да кишка тонкая».

В бою романтики нет. Есть живые и мертвые, и выбирать, кем стать, в нашей воле. Опустить руки и умереть, либо рвать зубами и выжить.

Преимущество в количестве было на стороне «омаров», трое на одного. Но одно дело, драться как солдаты — по команде, за мизерную плату; и совсем другое — защищать свою жизнь. Свою шкуру. Мы были подобны крысам, загнанным в угол. Кто не понимает, о чём я говорю, пусть попытается ударить крысу, у которой нет путей к отступлению. Поверьте, не обрадуется. Я однажды попробовал. Проклятая тварь бросалась на меня, как злобный пёс, несмотря на моё видимое превосходство.

Флинт с такой яростью кинулся рубить и крошить, что мы просто не могли от него отставать. Тут уж он был в своей стихии, с этим не поспоришь. Где появлялся Флинт — оставались трупы. Рубил он беспощадно и без устали, не останавливаясь и не отступая. Врубаясь в ряды противника, он не озирался назад, не оглядывался, рвался вперёд, словно ища смерти в битве...

Абордаж сорвался. Те из солдат, что успели перебраться на «Морж», тут же и полегли. И в тот же миг, повинуясь зову Флинта, мы сами кинулись в атаку, на палубу военного фрегата.

Соскочив с планширя, я увидел окровавленного человека, скорчившегося у дымящейся пушки. Мгновения хватило мне, чтоб сообразить: военная форма, чужой. Не примеряясь, я ударил. Просто опустил тесак, проломив ему череп. Противник свалился, как куль.

Мешкать и размышлять времени не было. На меня с обезумевшими глазами мчался матрос. Я выхватил пистолет и выстрелил. Не промахнулся, но безумец лишь пошатнулся, даже не опустил саблю. Выбросив пистолет, я бросился под прикрытие грот мачты, обогнул её, и рубанул не успевшего остановиться противника в затылок. Тот рухнул плашмя.

На палубе творилось страшное. Все словно обезумели, носились с окровавленным оружием, с вытаращенными глазами. Я видел, как Пёс едва не зарубил Тома; взмахнув клинком, он ударил, и лишь когда Том успел парировать и выкрикнуть ругательство, Пёс узнал его и оставил в покое. Как ни в чём не бывало, он помчался дальше, искать иную жертву.

Я остановился у грот-мачты, не зная, что предпринять. Бой кипел по всей палубе, отовсюду раздавались редкие выстрелы, крики и ругань.

Что-то обожгло ногу, почти сразу со звуком выстрела, но я не имел даже мгновения посмотреть, что случилось — перед самым носом мелькнула

сталь, чудом не разрубив мне лицо. Я едва отклонился назад, как последовал новый удар. Его я парировал, одновременно схватившись за бизань-штаг, чтоб сохранить равновесие. Третьего удара не было. Дик Пёс проткнул моему противнику спину кортиком. Тот выгнулся дугой, открыв рот в беззвучном хрипе. Я взмахнул клинком наотмашь, попав по горлу. Кровь хлынула ручьём...

Жарче всего было на баке. Громадный негр крушил направо и налево огромной, под стать себе, дубиной. Я узнал Матангу, новенького. Он уже разнёс череп одному из матросов и переломал кости другому, корчившемуся у шпилья. Остальные избегали приближаться к великану, пытаясь достать его со спины. Еще двое наших теснили вооружённого саблей офицера к бушприту, собираясь если не изрубить того, то сбросить за борт.

Остальные противники отступили к левому борту, где пытались рассредоточиться для дальнейшего сопротивления. Джон с двумя матросами подступался к ним со стороны кормы, пытаясь обойти с фланга. Второй офицер, дравшийся уже в одной рубахе, запятнанной кровью, не позволял им приблизиться, ловко орудуя длинной шпагой.

Если враги соберутся, то бой затянется. Этого нельзя было допустить.

Хэнки с марса уже положил одного, и выбирал новую цель, пока «омары» метались по палубе, не в состоянии сообразить, где враг и откуда стреляют.

Я схватил Пса за шкурки и прокричал тому в ухо:

— Давай за мной!

Глава 2

Позорная победа

С диким рычанием мы бросились на врагов, рубя всех, до кого могли дотянуться. Дик отбивал удары саблей и колол противника кортиком с другой руки. Я рубил с плеча, нанося один, но мощный удар. Долго махать не в моих привычках, на это лишь капитан был способен. Моего дыхания хватало на парочку сильных ударов, после чего я предпочитал отступить, чтоб собраться с силами для новой атаки. Я сцепился с ловким малым, надо отдать ему должное. Он легко отбил пару моих яростных ударов, едва не сломавших его тонкую саблю. Несмотря на напор, я не мог его достать. Тесак был слишком коротким в сравнении с гибкой саблей. Перед глазами мелькнула сталь, я ударил в ответ, не попал, и лишь после этого почувствовал

холод на щеке. Отскочил назад, провёл рукавом. Лицо словно огнём обожгло. Рукав мгновенно окрасился алым, левый глаз ослеп, залитый липкой горячей кровью. Тут бы мне пришёл конец... Противник, получивший преимущество, взмахнул оружием и кинулся на меня. Я прикрылся тесаком, но понял — всё... Следующий удар рассецёт плоть, прервёт нить жизни... Холод приближающейся смерти сковал меня. Стало вдруг до ужаса страшно. Безумно захотелось закричать, закрыться руками, бросив оружие. «Не убивай!!!» — распирало грудь, стремясь вырваться наружу. «Не убивай...», хотелось крикнуть, душась от бессилия и страха. Тело словно окунули в ледяную воду, сковавшую вмиг и лишившую возможности двигаться. Я отбивался, теряя силы, и понимал, что всё завершится прямо сейчас. Сейчас я умру...

В краткий миг мысли пронеслись в моём мозгу, подобно сверкнувшей молнии. Я не верил в милость обезумевшего от крови врага. Но уповал на милость Божью.

Бог услышал мою мольбу. Спасение пришло с неба. Вслед молнии грянул гром. Враг споткнулся, не нанеся последнего удара. Сабля звякнула о палубу, мой противник рухнул на колени, будто подрубленный на корню. Ещё не сообразив, что за чудо произошло, я рубанул из последних сил, воткнув тесак в его ключицу.

Сорвав с шеи платок, я прижал его к ране и привалился к фальшборту. Лишь тогда смог перевести дыхание. Ледяной холод отступил, вера в жизнь вернулась ко мне. Оглядевшись, я увидел своего спасителя. Человек, который должен был меня ненавидеть. Которого я однажды избил, сделав своим врагом.

Хэнки уже отвернулся, перезаряжал мушкет. Он и не подозревал, что в один краткий миг из недруга превратился в лучшего моего товарища...

Между тем, бой продолжался, но уже подходил к концу. Джон зарубил одного из противников, матросы за фок-мачтой отогнали офицера на бушприт; тот схватился за фока-штаг, устало опустил саблю, ожидая дальнейшего развития событий. Второго ловкача со шпагой наконец подстрелили, он сполз вдоль шпилья, зажимая живот рукой и захлёбываясь кровью. Пью подскочил и рубанул раненного по спине, отскочил от бессильного взмаха шпаги, и снова набросился. Он рубил уже мёртвое тело, матерясь и рыча, и кровь брызгала во все стороны.

Ошеломлённые этой расправой, остальные противники сдались, побросав оружие. Некоторые бросались за борт, пытаясь вплавь добраться до своего флагмана.

Бой завершился. «Лев» командора болтался на волнах, относимый течением. Захватив «Солсбери»,

мы не стали приближаться к «Льву», чтоб добить и потопить. Это могло нам дорого обойтись.

Победные крики ещё раздавались над палубой захваченного фрегата, когда над волнами пронёсся гул и грохот залпа. Засвистело, затрещало над головой. Ядра рвали паруса и крушили палубы обеих, сцепившихся в абордаже, кораблей.

Командор видел гибель матросов «Солсбери» и решил открыть огонь, не думая об оставшихся в живых моряхах своей эскадры.

Какая разница между пиратом и джентльменом, к коим, несомненно, причислял себя Метьюз? На своём веку я повидал столько подлости от «джентльменов», что потерял к ним всякое уважение. Те же негодяи, что и иные, только причисляют себя к высшей касте, в коей им повезло родиться на свет. Но я убеждался не раз — деньги не делают человека лучше. Они лишь дают власть над иными людьми. Нет большего негодяя, чем подлец, наделённый властью. Один из них сейчас убивал своих людей лишь ради того, чтоб уничтожить противников. Это ли не величайшая подлость?

Второй залп был точнее, и принёс нам много беды. Джон как раз возился с пушкой, подстрекая ребят не прятаться, а дать ответ. Вместе с Пью и Джобом, они навели орудие и уже готовились стрелять, когда ядро со «Льва» пробило обшивку и

разнесло лафет пушки. Ствол подлетел к фоку, перевернулся и рухнул на доски. Щепки, дым, гарь смешались в короткое мгновение, я упал плашмя, даже не успев сообразить, что произошло. Осколки меня почти не зацепили, если не считать пары щепок, впившихся в руку и бедро. Зато парней разнесло, раскидало по палубе. Когда я опомнился, то увидел страшную картину. Джона привалило пушкой, он безуспешно пытался выбраться, не соображая, что не в человеческих силах сдвинуть в одиночку тысячу фунтов чугуна. Одного из матросов откинуло к противоположному борту, и он затих. Второму разворотило грудную клетку, он лежал на спине, а толстые щепки торчали из его груди и головы, словно иглы дикобраза. Пью упал на колени и уткнулся лбом в доски, обхватив голову руками. Он визжал и корчился, измазывая палубу кровью. Лицо его походило на кровавую маску. Только Джоб каким то чудом остался на ногах, непонимающе глядя вокруг. Казалось, он совершенно не был задет.

Некогда было заниматься ранеными. Нужно было спасать шкуры живых. Флинт приказал рубить канаты и отрываться от «Солсбери», чтоб получить возможность уйти из-под обстрела.

Всё это время я не мог видеть, что происходит на «Кассандре». Дым, крики, пальба, всё было как во сне. Но когда бой утих, мы увидели лишь

удаляющиеся кормы кораблей. «Екзетер» погнался за «Кассандрой», и глупые наши матросы не придумали ничего лучшего, как оседлать ветер и дать дёру. В этом была моя вина — я покинул корабль, понадеявшись на помощников. Но откуда мне было знать, что нас преследуют корабли Метьюза? Они возникли внезапно, скрытые ярким светом восходящего солнца. Вахтенные с «Моржа» так же не замечали их, пока не стало поздно.

Битва завершилась без чьей-либо победы. «Морж» под прикрытием пылающего «Солсбери» ушёл от дальнейшего боя.

Как побитые щенки, мы покинули место сражения. До ночи петляли, пытаюсь отойти как можно дальше. К утру укрылись в небольшой бухточке, скрытой от моря скалистыми утёсами.

Питер Скадемор весь вечер и полночи трудился вовсю, пытаюсь помочь тем раненым — тем, кого можно было ещё спасти.

Джон лежал на расстеленном под мачтой запасном парусе. Огромная лужа крови растеклась по парусине, и мне казалось, что вижу мертвеца — столь бледен и недвижим он был. Обрубок ноги был перевязан ремнём, и хирург уже разложил свои страшные инструменты, готовясь к операции. Не в силах на это смотреть, я удалился под палубу, оценить ущерб, нанесённый кораблю.

Я был последним. Устало, почти не глядя, доктор вдел в большую изогнутую иголку толстую нить, и принялся шить мне щёку. Жгло и болело адски, до слёз, но я терпел. От крика легче не станет, да и кричать я не мог. Любое движение лица вызывало адскую боль. Ром — вот то лекарство, что хочь немного снимало боль. И выпил я его немало. Лекарь кое-как зашил мне щёку, несколько дней потом я носил повязку, скрывавшую половину моего лица. К счастью, глаз остался цел. Уродливый шрам обещал сделать моё лицо незабываемым, и с этим приходилось мириться.

Но в то время, когда иные предались бы отчаянию, Томас Пью думал лишь о возмездии. Страшные ругательства и проклятия срывались с его уст, чередуясь с несдерживаемыми рыданиями и стонами. Таких проклятий я не слышал никогда в жизни; ни до того, ни после. Лицо Пью было обмотано окровавленными тряпками, осталась лишь щель для рта, чтоб он мог дышать. Он орал от боли и ярости. Этот человек в один миг потерял возможность видеть мир, превратился из храброго моряка в беспомощного калеку; такого несчастья я не пожелал бы и врагу.

Ярости Пью не было предела. Он искал выход своей ненависти и злобе, смешанной с отчаянием. Пью требовал отдать ему одного из пленников.

Участь последнего была поистине ужасна. Уж тут мерзкая сущность второго штурмана проявилась в полной мере.

Несколько часов над полуюзом раздавались душераздирающие крики, разносившиеся эхом по скалам побережья. Немногие из очерствелых, привычных ко всему пиратов могли без дрожи и тошноты смотреть на деяния безумного Пью. Когда крики смолкли, слепой вышел к нам, окровавленный с головы до ног. С изогнутого ножа в его руках на палубу капала кровь. То, что осталось от пленника, уже нельзя было назвать человеком. На ощупь, не видя ничего, превозмогая собственную боль, безумный слепой сдирал с живого бедолаги кожу, находя в том облегчение собственным страданиям.

Я не буду рассказывать обо всём, что я видел. Кошмары должны забываться. Прошлое в прошлом.

Судьба «Кассандры» оставалась неизвестной. За моего отсутствия командование наверняка принял Том. Но куда они направились, можно было только гадать. На «Морже» мы потеряли пять человек, трое остались калеками. Мы бежали, не высчитывая курса, поставив паруса фордевинд, по ветру. Лишь бы подальше от возможных преследователей. Неделю нас кидало по волнам,

неся в неизвестном направлении. Лишь на седьмой день я взял секстант, желая определить наше местоположение. К тому времени щека уж перестала пульсировать и сочиться кровью, и я мог свободно двигаться.

Мы сильно отклонились от намеченного курса. Стоило теперь собраться и решить, куда продолжать путь — далее, на Багамы, или в ином направлении.

На наше счастье, основная добыча находилась на «Морже». Я был рад тому обстоятельству, что и сам был здесь. «Кассандра» пропала, и честно говоря, никто о том не сожалел. Наша доля в одночасье увеличивалась вдвое. Возможно, военный фрегат настиг «Кассанду», и все наши товарищи теперь болтаются на реях или кормят рыб.

С кораблём ушло и моё личное добро. В том числе и бумаги старого Хэтча. К тому времени я и вспоминать забыл о таинственном острове, усыпанном золотыми монетами с затонувшего галеона. Потому о потере сильно не горевал. А вот золота было жаль. Утешало лишь то, что на «Морже» хранилась моя доля, превышающая утраченное в сотни раз.

Путь на Гаити был закрыт. «Екзетер» наверняка разнёс о нас весть по всей Вест Индии.

Встреченный нами корабль принёс новости о том, что за нашу поимку назначена баснословная награда. Это означало, что нам закрыт путь в каждый из портов, в котором нас могли узнать. Английская эскадра курсировала у побережья Мэйна, поджидая нас. Да и Европа не ждала с распростёртыми объятиями.

Встреченный корабль пришлось потопить, а команду вырезать. Никто не должен был знать о нашем местонахождении.

Стоило выждать некоторое время. В укромной бухточке, подальше от морских путей.

Лучшего места, чем остров Кидда, было не сыскать.

Глава 3

Совет. Что делать с сокровищем

Джон быстро стал на ноги. Вернее, на одну. Правую. Неделю он пролежал в горячке. Мы уж думали, отдаст концы. Да не с того теста был Джон, чтоб загнуться, потеряв кусок себя. Спустя полмесяца он уже проворно скакал на костылях. Никакая сила не смогла бы заставить Сильвера покинуть нас, не забрав свою долю.

Кличка «Окорок» плотно закрепилась за Долговязым. Если раньше Джона называли так за широкое, красное лицо, то теперь кличка звучала

двусмысленно. Флинт назвал Джона Окорокком после того, как Скадемор спросил, что делать с отрезанной конечностью Джона.

«Брось этот окорок рыбам» — рассмеялся тогда Флинт.

Так прозвище прицепилось к Джону. Но пользовались им лишь тогда, когда хотели задеть за живое.

Теперь Долговязый не мог исполнять обязанности командира абордажной команды. Однако занятие ему нашлось — Флинт назначил Джона главным по имуществу, отдав ключи от каморок и сундуков. От всех, кроме ключей от клетки, где хранились запертыми сокровища. Тот ключ Флинт держал при себе.

Отныне Долговязый обязан был следить за порядком на корабле, начиная от чистоты и заканчивая заготовкой провизии. По сути дела, он выполнял те же обязанности, что и ранее; за исключением необходимости вести людей в бой.

Чтоб Сильвер мог передвигаться, ему сделали костыль. Но этого оказалось мало — при сильной качке на двоих иногда трудно было удержаться. Сильвер придумал повязать в самых трудных местах свисающие, подобно лианам, концы, за них он и хватался при ходьбе. Мы прозвали их «сережками Сильвера» — они напоминали серьги, столь любимые моряками.

Я сменил слепого на должности штурмана и взял управление «Моржом». Пью сидел на баке целыми днями, постанывая и жалуясь на горькую судьбу. К нему никто не хотел приближаться.

Совет проходил в капитанской каюте. Я, квартирмейстер, боцман Джоб Андерсон, канонир Хэндс, плотник Джек Морган, Чёрный Пёс, Дарби, Дэрк и еще двое — трое представителей команды, имён которых я не запомнил.

Флинт восседал на кресле, как на троне. Шляпу надвинул на глаза и исподлобья наблюдал за нами, пыхтя трубкой. Остальные, кроме одноногого, опирали стены. Джону позволено было присесть на тюфяк. Попугай ютился на его плече. К тому времени Каторжник выучил целую кучу английских слов, но в присутствии Флинта он не желал даже чирикать. Жался к Джону и перья топорщил.

— Говори, Окорок. Ты лучше объясняешься.

Одноногий завёл речь. Как всегда, начал он издали, но вскоре перешёл к самой сути.

— Зарыть сокровища — единственная возможность уберечь их. Карманник избавляется от украденного, дабы не быть пойманным.

Ответом было молчание. Избранные никак не могли взять в толк, чего от них хотят. Кроме одного — их желают лишить добычи.

Джон продолжал:

— Ребятки, поймите. Все варианты рассмотрены. Другого выхода нет. Если мы выйдем с грузом, нас настигнут, и всё будет потеряно. С концами, разумеете?

Ответом снова была тишина. Умевшие думать — размышляли. Иные ждали. Флинт хлебнул из бутылки и поддержал слова канонира:

— Может, вы все хотите на виселицу? Не миновать вам просушки на реях. Да, на реях! Мистер Бонс, каково состояние «Моржа»?

— Мы залатали, что могли. Корабль пострадал настолько, что поверхностным ремонтом здесь не обойтись. Обшивку выше киля нужно менять почти полностью. И некоторые шпангоуты. Мы можем выходить в море, но старой скорости без кренгования не набрать.

— «Морж»... — Протянул Флинт. — Мистер Бонс, подтверждаете ли вы, что с грузом нам не уйти?

— Мы и сейчас едва ли наберём пять узлов. С грузом и того меньше. Пробоины заделаны, но вода всё равно поступает. Люди на помпы стоят каждые два часа. Груз потянет нас на дно — при более низкой осадке вода будет набираться слишком быстро.

Джоб, до того молчавший в углу, поделился умной мыслью: